

ОТЗЫВ

на диссертацию Соловьёва Романа Сергеевича

«„Жизнь Плотина“ Порфирия в историко-литературном контексте II–III века и проблема её жанровой неоднородности», представленной на соискание учёной

степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология»

Диссертационное исследование Романа Сергеевича Соловьёва имеет символический характер, если понимать «символ» в его позднеантичном эстетическом значении: через частный пример отдельного неоплатонического памятника автор ведёт читателя к выводам, имеющим универсальную значимость. На примере «Жизни Плотина», написанной учеником Плотина Порфирием, раскрываются общие закономерности взаимодействия дискурсов христианской и языческой мысли во II–III вв. н. э. Результаты, полученные диссертантом в итоге исследования, имеют значение не только для исследователей творчества Плотина и Порфирия, но и задают важный методологический ракурс для изучения интеллектуального ландшафта II–III вв.: им показывается достаточно высокая степень знакомства языческих авторов со священными текстами христиан, гностиков, Герметическим корпусом, а также методами их интерпретации. То же показывается и в отношении христиан, в особенности, александрийцев, обладавших не только отличным знанием классических философских текстов, но и присутствовавших на занятиях в языческих философских школах. Как верно отмечает Р. С. Соловьёв, эти обстоятельства не всегда в полной мере учитываются современными исследователями.

В целом, проведенная Р. С. Соловьёвым работа по объёму изученного материала и качеству анализа отличается очень высоким уровнем, большим вниманием к подробностям, тщательной работой с источниками и при этом умением переходить от частных деталей к крупным обобщениям. Ниже я перечислю несколько дискуссионных моментов, которые не умаляют значимости работы и могут быть рассмотрены как пожелания по направлению дальнейших исследований диссертанта.

Во введении Р. С. Соловьёв прослеживает исторический путь формирования термина «неоплатонизм» и предлагает критику использования этого термина как такового. Действительно, если говорить о возникновении неоплатонизма как резком качественном скачке внутри платонической традиции, имеющем строгие временные рамки, такая критика, по всей видимости, уместна. Однако в современном антиковедении понятия «средний платонизм» и «неоплатонизм» редко используются в таком схематизирующем виде. Чаще они используются для обозначения конкретной группы авторов, их произведений и культурно-исторического ареала их бытования. Предлагаемая автором замена понятия

«неоплатонизм» на «поздний платонизм» подчёркивает необходимость использования специального термина для этого уникального явления поздней античности. Однако замена одного термина другим едва ли может существенно повлиять на понимание самой концепции неоплатонизма.

Примечательно, что четвертая глава диссертации содержит неоднократные оценки Плотина как человека, стоящего в одном ряду с Пифагором и Платоном — это не только мнение Порфирия, но и точка зрения, которая закрепится у авторов высокого неоплатонизма. Сам диссертант не раз признаёт особую значимость Плотина для мысли его и последующей эпохи. С этой точки зрения связывать Плотина с существенными переменами в структуре античного платонизма представляется вполне корректным. При этом аргументов для отказа от использования термина «неоплатонизм» в тексте работы, на мой взгляд, представлено недостаточно.

Раздел 1.6 «Современные подходы к позднеантичной литературе» показывает, как в исследовательской литературе формировалось несколько подходов к оценке взаимоотношений христианства и языческой философии: это и представление об изолированности платонических школ от христианства, и модель полной зависимости христианской мысли от языческой философии, приводящая к невозможности содержательного влияния христиан на язычников. Однако этот обзор заканчивается фигурами о. Георгия Флоровского и Эрика Доддса, то есть не учитывая почти 50 последних лет, в течение которых методология антиковедения интенсивно развивалась. По мере того, как сложность культурного ландшафта поздней античности осмысливалась всё глубже, становилось всё меньше чрезмерно обобщающих оценок взаимных отношений христианской и языческой мысли. Поэтому сжато описать методологию антиковедения последних десятилетий существенно сложнее. Возможно, именно в силу сложности концептуализации автор завершил свой обзор, не дойдя до работ последних лет.

Вторая глава очерчивает идейный горизонт II в. н.э., в ней автор выделяет отдельные параграфы для герметизма, гностицизма, «Халдейских оракулов», но на первом месте стоит Нумений из Апамеи. Как видно из дальнейшего текста работы, для диссертанта роль Нумения в становлении неоплатонической традиции особенная. Несмотря на фрагментарность дошедших до нас свидетельств о Нумении, автор видит в нём одну из ключевых фигур, через которую в платоническую традицию проник, среди прочего, интерес к Ветхому Завету. Вызывает удивление отсутствие в этой главе упоминаний Плутарха. Если даже он далёк от идей Ветхого Завета, всё же он, как минимум, становится знаковым проводником египетской традиции среди средних платоников, благодаря ему в значительной степени усиливается интерес к мистическому измерению философского знания, а трактат «О даймоне Сократа» усиливает образ учителя Платона как носителя сверхчеловеческих способ-

ностей. Наконец, Плутарх — признанный мастер биографического жанра, того самого, к которому формально относится «Жизнь Плотина».

Третья глава посвящена введению в общий контекст существования школы Плотина и подробно описывает личность Амелия, одного из выдающихся учеников Плотина. Первая часть главы в значительной степени построена на «Жизни Плотина», из которой автор извлекает биографические факты и дополняет их сторонними источниками. Автор подчёркивает своего рода соперничество между Амелием и Порфирием, которое прочитывается в отдельных пассажах «Жизни Плотина», а также их различный характер отношения к христианскому учению. Если Порфирий знаменит своим трактатом «Против христиан», то Амелий, по мнению автора, более близок к позиции Нумения и относится к христианским священным текстам с философским интересом, используя их в занятиях с учениками. Однако единственным текстуальным свидетельством этому оказывается фрагмент толкования Амелием пролога Евангелия от Иоанна, сохранившийся у Евсевия отрывком длиной в 8 строк. Это толкование является скорее интерпретирующим пересказом, нежели комментарием в его традиционном понимании. На мой взгляд, при всей примечательности этой цитаты, она, будучи очень краткой и единичной, едва ли может служить для получения достоверных выводов. Полученные автором выводы здесь имеют лишь вероятностный характер.

Такой же вероятностный характер имеют и утверждения о влиянии Филона на Нумения в разделе 3.2.3: все перечисленные автором параллели между этими двумя авторами не доказывают непосредственного влияния и могли быть обусловлены знакомством с общими источниками в среде стойков и средних платоников. Отмечу, что диссертант всегда обращает внимание на те случаи, когда его выводы неоднозначны, утверждая, что тот или иной факт *может* обуславливать те или иные следствия. Большой объём не дошедших до нас текстов изучаемой эпохи приводит к тому, что таких «может быть» оказывается настолько много, что в целом влияние Филона на неоплатоников остаётся гипотетическим.

Четвёртая глава, на которую приходится почти половина всего текста диссертации, посвящена собственно анализу «Жизни Плотина», написанной Порфирием. Здесь повторяются основные вехи жизни Плотина и его школы, прочитанные теперь уже с позиции литературной структуры памятника, его стилистических особенностей и саморепрезентации в нём Порфирия. Большую ценность представляет предпринятое диссертантом сравнение «Жизни Плотина» с «Благодарственной речью Оригену», приписываемой Григорию Чудотворцу. На мой взгляд, привлекаемая здесь аргументация наиболее сильна, она убедительно демонстрирует знакомство Порфирия с этой «Речью», обуславливающее в одних случаях подражание ей, а в других — противопоставление. Также автором учтены выска-

зывавшиеся прежде предположения об аллюзиях в «Жизни Плотина» на отдельные евангельские сюжеты.

Однако при проведении сравнений с «внешними» источниками читатель ожидает сначала анализа внутренних связей в корпусе текстов Порфирия. Говоря о «Жизни Плотина» более чем уместно провести сравнение с «Жизнью Пифагора». На основе этого сравнения можно было бы сделать выводы о том, специфично ли отклонение от традиционного биографического канона только для «Жизни Плотина» или и второго биографического сочинения Порфирия тоже? Читая «Жизнь Пифагора», мы обнаруживаем, что для Порфирия большое значение имели свидетельства Диогена — а значит, и биографический метод Диогена тоже мог бы быть рассмотрен как отправная точка для изучения особенностей Порфириевого метода. Про значимость Плутарха для избранной темы сказано выше. Представляется, что учтя эти дополнительные источники, может быть уточнён и ряд аспектов зависимости Порфирия от христианских источников.

Наконец, возвращаясь к методологическим выводам диссертационного исследования, я бы предложил автору расширить вопрос о взаимном влиянии христианской и языческой мысли и перенести акцент с вопроса «а было ли оно?» на вопрос «как оно осуществлялось?». Имеет смысл задаться вопросами: в каких случаях влияние христианства на языческую философию и наоборот происходило через осознанное заимствование, а когда бессознательно? через какие «каналы» происходило это связывание традиций? каково соотношение ролей институционального и личного влияния? С одной стороны, христиане и язычники находились в общей языковой, культурной, образовательной среде, изучали грамматику, арифметику и другие науки по одним и тем же книгам, в одних и тех же школах. Кроме того, социально-политические, военные, юридические реалии также задавали определённую культурную парадигму. С другой стороны, перед нами немало примеров того, как язычники и христиане имели одних и тех учителей, как в течение жизни язычники обращались в христианство, а христиане переходили в язычество — перенося свой интеллектуальный и духовный опыт из одной среды в другую. Различие осознанного и неосознанного, личного и общественного, свободного и принудительного путей переноса идей, по всей видимости, должно способствовать более глубокому пониманию обсуждаемых процессов.

И в заключение, нужно отметить, что акцент в исследовании Р. С. Соловьёва на взаимные контакты между языческой и христианской традициями оставляет в тени момент закрытости и эзотеричности той и другой. Несмотря на то, что на занятиях как в неоплатонических школах, так и христианских могли присутствовать «инакомыслящие», вовсе не означает того, что вся полнота учения была доступна «внешним» так же, как и «посвящённым». Ученики Аммония Саккаса, по словам Порфирия, заключили договор о

неразглашении его учения, как и сам Плотин преподносил учение так, что на первый взгляд оно казалось далёким от какого-либо систематического изложения. Смущение Плотина, прекратившего занятие в присутствии Оригена, возможно, также свидетельствует о предметах, которые не следовало обсуждать в присутствии христиан. После «теургического поворота» в неоплатонизме, по всей видимости, устанавливается табу на подробное письменное изложение содержания теургических ритуалов.

О степени закрытости христианской мысли от язычников можно судить, например, по различию тем и предметов, которые обсуждает Климент Александрийский в «Строматах» и в «Педагоге». Точно так же и у Оригена содержание христианского богослужения, смысл и порядок совершения Таинств не обсуждаются в текстах, адресованных язычникам. Закрытость христианского учения существенно уменьшается после официального принятия христианства в Римской империи — но в это же время симметрично усиливается закрытость языческих школ, оказывающихся во всё более уязвимом положении.

Иными словами, хотя языческие и христианские школы были открыты для представителей других школ (в том числе гностических, герметических и т.д.), но, скорее всего, существовала определённая граница между учением «для всех» и «для посвящённых». Этот вопрос так же нуждается в более подробном изучении.

Все высказанные замечания имеют характер рекомендаций к дальнейшему развитию темы, выбранной Р. С. Соловьёвым. На мой взгляд, диссертанту удалось успешно не только проанализировать историко-литературный контекст написания «Жизни Порфирия», но и эксплицировать методологическую базу, которая в полной мере отвечает состоянию современного антиковедения и позволяет плодотворно изучать интеллектуальные традиции поздней античности.

Полагаю, что диссертация Р. С. Соловьёва соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата филологических наук, а её автор, Роман Сергеевич Соловьёв, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 — «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Курдыбайло Д. С., канд. филос. наук,
старший научный сотрудник
РГПУ им. А. И. Герцена

27.11.2023 г.